

Глава пятая

В пять утра в тот день, когда миссис Макнокатер приветствовала новых учениц школы-пансиона Святой Елены, Мэтт Коффин спустился в гавань Харпсвелла, сошел на причал.

Уиллис Гард, капитан катера-краболова «Одинокий волк», даже не заметил Мэтта в лиловых предрассветных сумерках. Ему пора выходить на лов омаров, надо погрузить на катер две дюжины ловушек, но его единственный матрос, Джонатан Бакминстер, вчера отбыл по железной дороге в штат Миссисипи, потому что его призвали в армию и скоро отправят на войну. А у капитана, как всегда, когда по утрам холодно, свело поясницу — все равно что в моторе поршень заклинило. Он кое-как перебрался с причала на борт «Волка». Как же перетащить эту чертову уйму ловушек?

Капитан Гард, надвинув до бровей синюю кепку, вслушивался в скрип швартовов и шум прибоя. Зажмурился, принялся: на причале пахло просоленными досками и смолой и немножко соснами — их аромат принес с холмов ветер. Почувствовал, как натянулись швартовы — начинается прилив, пытается утащить «Волка».

Капитан задумался о Бакминстере: совсем мальчишка, а ему дадут тяжеленный автомат. И он будет целиться в такого же мальчишку, который...

Открыл глаза — а на причале стоит какой-то тощий паренек и протягивает ему ловушку.

Капитан Гард глянул на пацана, хмыкнул. Взял ловушку.

И вторую.

И третью.

Хороший работник. Поспевает. Точнее, это капитану Гарду пришлось поспевать за ним, на вид таким щуплым.

Когда осталась одна, последняя ловушка, паренек сам притащил ее на палубу, поставил, куда положено. А потом уставился на капитана, словно чего-то дожидаясь.

Мэтт и вправду дожидался. Дождался расспросов. Всяких там «Чего тебе здесь надо?», «Откуда ты?», «Сколько тебе лет?», «Почему не в школе?».

И «Где твои родители?».

Но капитан Гард ничего такого спрашивать не стал. А спросил только:

— Лисель-галсовые узлы вязать умеешь?

Мэтт кивнул.

Капитан долго разглядывал его. А затем кинул ему трос:

— Покажи.

Мэтт показал.

Капитан кивнул.

— Годится. Я хозяин катера и заплачу тебе пятнадцать процентов с выручки. И отдам один сэндвич с тунцом, если хочешь, — сам готовил, надеюсь, ты любишь помидоры, соленые огурцы и майонез. Еще есть брауни, но их я тоже сам испек, получилось не ахти, и орехов не кладу, терпеть не могу орехи. Ставлю четыре ряда по шесть ловушек вон там, где река Нью-Медоус впадает в залив. Ставлю в паре километров от берега. Вот там сапоги. По дороге соединишь ловушки в связки. А потом... перчатки лежат там. Нет, во-он там лежат, видишь? Слушай в оба уха. Вот и вся премудрость. Возьму тебя на работу, если хочешь.

Капитан Гард поправил кепку и повернулся к мотору.

Мэтт переобулся в резиновые сапоги.

— Займись кормовым швартовом! — крикнул через плечо капитан Гард.

Мэтт занялся кормовым швартовом.

— И носовым.

Мэтт прошел на нос катера, занялся носовым швартовом.

— Отчаливай! — крикнул капитан Гард, но Мэтт уже оттолкнул катер от причала. Следующие пять часов оба не проронили ни слова.

«Одинокий волк», тарахтя, шел вдоль холмистого берега, из-за горизонта уже высывалась макушка солнца. Если бы Мэтт глянул на дом миссис Макнокатер на краю обрыва — они как раз проплывали мимо, — то, наверное, заметил бы свет в окнах, а может, и саму миссис Макнокатер с биноклем на террасе; правда, в сумерках она все равно не разглядела бы Мэтта. «Волк» пропыхтел мимо с аккуратным штабелем ловушек на палубе, иногда чихая и кашля: и мотор, и сам катер были уже немолоды. Пока Мэтт привязывал лисель-галсовыми узлами буйки к ловушкам, полуостров остался позади и катер вышел из залива в Атлантический океан; ветер там дул холодный и брызгами кидался, но ничего, терпимо. Солнце только-только начало взбираться на небо, и вода была черно-синей.

Капитан Гард и Мэтт действовали слаженно, словно проработали вместе всю жизнь. Мэтт привязал к ловушкам тросы, к каждой отдельно, а потом надел желтые резиновые перчатки и положил в ловушки приманку — снулую треску; когда все было готово, капитан сбавил ход, развернул катер носом к ветру. Кивнул Мэтту — дескать, начинай, и тогда Мэтт проверил, крепко ли привязан к ловушке буй, столкнул с кормы первую ловушку, следом вторую, а капитан помог столкнуть остальные четыре: течение да-

вит на трос, и связка ловушек каждую секунду утяжеляется. Капитан вернулся к штурвалу, развернул катер, отошел подальше, снова встал носом к ветру, и еще одна связка из шести ловушек бухнулась в море.

Закончили лишь в начале одиннадцатого утра, капитан вернулся на корму, уселся, вытянул ноги.

— Залив хорошо знаешь?

Мэтт кивнул.

Капитан нахлобучил кепку на глаза.

— Прокати-ка меня по заливу. Только ни на что не натывайся.

И Мэтт начал управлять катером. Обогнул остров Чебиг, двинулся к Малому Французскому острову и к Бастину, прошел мимо Свинки с Поросятами — подойти к ним поближе можно только по высокой воде, в разгар прилива, — а оттуда к Верхней Гусыне, а оттуда мимо островов Гусята снова вышел в океан, а потом проделал долгий путь к острову Китобоец, а оттуда к острову Стокман, и вода была синяя-синяя, а небо — еще синее, и если бы капитан не закрывал кепкой глаза, то заметил бы, что лицо у Мэтта почти счастливое.

У подветренного берега Стокмана встали на якорь, и «Волк» беспечно закачался на невысоких волнах. Капитан открыл сумку-холодильник, достал завернутые в бумагу сэндвичи с тунцом — Мэтт, развернув свой, выбросил помидоры и огурцы за борт и сразу оценил, до чего же капитан любит майонез. Запивали водой — Мэтт выпил почти всю бутылку, потому что капитанский брауни был почти несъедобный, не то что у миссис Макнокатер.

Мысль о ней его словно ужалила.

И тут они увидели китов.

Точнее, вначале слышали.

Четыре кита, пять, а может, шесть. Семь. Киты плыли в сторону Чебига, оседлав подводные течения, описывая

в воде неспешные, размашистые петли, извергая высокие струи, — спокойные, словно чувствовали брюхом, как неторопливо вращается Земля, безмятежные, словно в мире нет ничего, кроме этого синего дня, этих зеленых островов и серых берегов.

Они смотрели на китов, пока те, обогнув остров, не ушли на глубину. Мэтт все время высовывался за борт катера.

Он мог бы смотреть на них каждый день напролет.

И капитан тоже.

— Теперь их видит только Бог, — произнес капитан вполголоса, не громче, чем плеск самой робкой волны. А потом буркнул: — Надень перчатки, — и, развернув катер, направился к первой связке ловушек.

Но Мэтт не отрывал глаз от океана, в глубины которого может заглянуть только Бог.

И думал: «Вот бы и мне тоже... Увидеть то, что видит Бог».

Капитан Гард никуда не торопился. Катер шел вдоль берега, где во время отлива Мэтт играл в блинчики — играл с миссис Макнокатер. В груди снова что-то кольнуло. У каждого острова катер сбавлял ход, словно любясь мерцающими скалами — прожилки слюды сверкали на солнце. Так что к буйку первой связки подошли только в полтретьего, вытащили ловушки и приуныли: в четырех ловушках ни одного омара, в пятой — один, в шестой — пара. Мэтт стянул омарам клешни резиновыми колечками, переложил добычу в садок. Вторая связка ловушек — ноль омаров. Третья связка — еще более-менее: в одной ловушке четыре штуки, во второй — три, и все правильного размера. Зато четвертая! В первую ловушку четвертой связки попало пять омаров! И в остальных ловушках сидело по три-четыре штуки, и все нужного размера.

— Что ж, теперь мы знаем, где надо было ставить все ловушки, — сказал капитан Гард.

Пока Мэтт укладывал ловушки штабелями и догрызал несъедобный — ну почти несъедобный — брауни, катер приближался к Харпсвеллу.

Солнце клонилось к горизонту, и небо, как обычно осенью, стало желтоватым. Скоро закат позолотит все вокруг: скалистые берега островов, высокие сосны, облака над соснами и даже дом миссис Макнокатер; а вот и она сама — стоит на террасе, разглядывает тарыхтящий катер в бинокль. Стоит и машет катеру.

Капитан Гард помахал в ответ.

А Мэтт не стал.

— Помаши миссис Макнокатер, — сказал капитан.

Мэтт посмотрел на него.

— А ну, маши.

Мэтт Коффин давно уже был сам себе хозяин и никого не слушал... ну, никого, кроме миссис Макнокатер. Мэтт поглядел на нее. Она все еще смотрела в бинокль, все еще махала.

Ну ладно, подумал Мэтт, один раз махну.

— Во-он тот дом. Зеленые ставни. Чуть дальше дома миссис Макнокатер — видишь? Я там живу. На случай, если тебе что-то понадобится.

— Например?

— Мало ли.

Мэтт и капитан пришвартовали «Волка» как полагаются: на оба швартова, носовой и кормовой. Вытащили омаров из садка, слили морскую воду из садка за борт. Надежно убрали все ловушки, вымыли ведро для наживки, положили на место буи, промыли мотор. Дело шло к ужину, и Мэтт проголодался. Ужасные брауни и один-единственный сэндвич с тунцом, плавающим в майонезе, — разве наешься?!

— Лобстеров я взвешу и продам, — сказал капитан. — Завтра утром приходи, получишь свои пятнадцать процен-

тов. А пока, — он порылся в груди омаров со связанными клешнями, — отнеси эту парочку миссис Макнокатер.

— Зачем это?

— Чтобы извиниться за то, что ты грубиян неотесанный. Если с тобой здороваются, здоровайся в ответ. Может, она простит тебя и сварит тебе одного омара, но лучше не надейся. Я бы на ее месте не сварил.

Мэтт взял двух омаров. Они вырывались. Понес одного в левой руке, другого — в правой.

Вскоре миссис Макнокатер услышала, что в дверь черного хода кто-то колотит ногами. Просто безобразия! Она распахнула дверь, готовясь втолковать посетителю, что даже недалекие люди умеют пользоваться дверным звонком. На пороге стоял Мэтт, еле удерживая улов.

— От капитана Гарда, — буркнул он.

Миссис Макнокатер кивнула:

— Входи. Сейчас поставлю воду на огонь. Скоро сварятся — и оглянуться не успеешь.

— Так уж и не успею?

— Поэтическое преувеличение, — пояснила миссис Макнокатер и пошла искать подходящую кастрюлю.

Конечно, пока омары варились, Мэтт успел бы оглянуться тысячу раз, но он не скучал — рассматривал картины в «Острове сокровищ», а когда миссис Макнокатер велела ему умыться, пошел в ванную и умылся; и она не стала спрашивать, где он шлялся, — наверно, догадывалась, что спрашивать бесполезно; с омарами она управлялась так же ловко, как и капитан Гард: р-раз — и в кипяток, р-раз — и на тарелки, р-раз — тарелки на стол, а рядом мисочки с растопленным сливочным маслом.

— Похоже, вам сегодня повезло, — заметила она.

Мэтт кивнул.

— Обычно ему везет, — продолжала она.

Мэтт снова кивнул и расколочил одну клешню.

Быстро выел все мясо.

Взял вторую клешню, помедлил:

— Значит, вы с капитаном знакомы?

Миссис Макнокатер — она еще и половины первой клешни не съела — тоже помедлила:

— Мы с ним старинные знакомые.

Улыбнулась. И продолжила есть.

Мэтт не сводил с нее глаз.

— Принесу еще масла. — И миссис Макнокатер ушла на кухню.

В тот пятничный вечер, выйдя из дома миссис Макнокатер, Мэтт думал про нее и капитана Гарда. Думал всю дорогу: и пока шел под горку по тропе, и пока пробирался в темноте между сосен. И пока спускался на берег к развалихе покойного капитана Кобба.

Вошел в хибарку, запер дверь, зажег фонарь и улегся спать. В полнейшем одиночестве.